

Хожиев Ж.Ж.¹, Галяпина В.Н.¹ Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации и адаптация трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана в России

Khojiev J.J.¹, Galyapina V.N.¹ Perceived security, acculturation strategies and adaptation of labor migrants from Uzbekistan and Tajikistan in Russia

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Данное исследование посвящено анализу проблемы адаптации самой многочисленной группы трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана в России. Для принимающего населения нет значимых различий в восприятии представителей разных этнических групп мигрантов из Средней Азии. Однако они имеют важные различия в языке, культуре, отношении к русским и России, воспринимаемой безопасности, которые могут сказываться на их адаптации в принимающем обществе. Также особенности стран исхода могут обуславливать аккультурацию и адаптацию мигрантов в России. В данной статье проверялась модерационная роль воспринимаемой безопасности во взаимосвязи стратегий аккультурации с удовлетворенностью жизнью, самоуважением и социокультурной адаптацией с учетом страны исхода, при этом использовалась теория аккультурации Дж. Берри. Выборка включала 181 мигранта: 88 респондентов из Таджикистана и 93 - из Узбекистана. Результаты модерационного анализа показали, что стратегии ассимиляции и маргинализации негативно взаимосвязаны с самоуважением и позитивно – с социокультурной адаптацией мигрантов как из Узбекистана, так и из Таджикистана. Стратегия сепарации положительно взаимосвязана с удовлетворенностью жизнью мигрантов. У мигрантов из Таджикистана модератором чаще всего выступает воспринимаемая угроза, она усиливала взаимосвязь стратегий и показателей адаптации мигрантов, у мигрантов из Узбекистана – воспринимаемая безопасность. Полученные данные важны для понимания моделей поведения мигрантов из Таджикистана и Узбекистана в ситуациях разной степени безопасности. Они могут быть полезны работодателям, специалистам, работающим с мигрантами в России.

Ключевые слова: трудовые мигранты, воспринимаемая безопасность, аккультурация, адаптация, Таджикистан, Узбекистан

Введение

Мигранты из Средней Азии в России составляют самую большую долю приезжих иностранных граждан. В 2020 году наибольшее количество мигрантов прибыло из Узбекистана и Таджикистана [Статистические данные..., 2020].

Для большинства россиян мигранты из стран Средней Азии объединены в одну большую группу «среднеазиатов», они не различают представителей разных этнических групп [Лебедева, Зубова, 2017]. Однако мигранты из стран Средней Азии имеют отличия, обусловленные как особенностями их культуры (например, язык, традиции), так и особенностями экономической, социокультурной, юридической ситуации в странах исхода. И эти особенности могут сказываться на предпочитаемых аккультурационных стратегиях трудовых мигрантов из разных стран и специфике их адаптации в России.

Потребность в безопасности является базовой для любого человека. Ощущение безопасности может быть сопряжено с восприятием особенностей той среды, в которой живет человек. Многие исследования показывают, что воспринимаемая безопасность мигрантов является очень важным фактором их аккультурации и адаптации в принимающей стране [Berry, 2017; Kruusvall, Vetik, Berry, 2009; Lebedeva et al., 2017; Коджа и др., 2019].

Для мигрантов из Средней Азии воспринимаемая среда России может нести угрозы, связанные с другой культурой, экономикой, законодательством и пр. Но также ощущение безопасности/угроз может быть связано с тем, как в принципе воспринимается Россия и русские в стране исхода, какое вовлечение в культуру принимающей страны (например, изучение русского языка) существует в стране исхода.

Таким образом, можно сказать, что воспринимаемая мигрантами из стран Средней Азии безопасность взаимосвязана с аккультурацией и адаптацией, но эта связь может изменяться в зависимости от страны исхода мигранта. Данная статья посвящена исследованию этих особенностей.

Роль воспринимаемой безопасности и аккультурационных стратегий в психологической и социокультурной адаптации мигрантов

Безопасность является основой развития социальных систем. Понимание собственной

Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации... безопасности и безопасности среды очень важно для человека, поскольку она позволяет ему наиболее эффективно совладать с угрозами, трудностями и жизненными проблемами. В исследованиях безопасность личности рассматривается как защищенность от внешних и внутренних угроз, которые нарушают или ограничивают свободу человека в удовлетворении базовых потребностей, препятствуют совершенствованию и развитию его способностей [Журавлев, Тарабрина, 2012]. Согласно теории поля К. Левина [Левин, 2000], в реальном поведении личность ищет в среде средства, валентные объекты, которые позволяют снять напряжение, удовлетворить потребности. Безопасность человека выступает одним из факторов его психологического благополучия.

Проблемы безопасности/угрозы в контексте межкультурных отношений подробно рассматривались в рамках теории интегральной угрозы [Stephan, 2000]. В большинстве исследований [Nshom, Croucher, 2014; Stephan, Ybarra, Morrison, 2009] было доказано, что воспринимаемая угроза приводит к негативным межкультурным установкам.

В исследованиях, проведенных в рамках теории аккультурации Дж. Берри [Berry, 2017], воспринимаемая безопасность рассматривается как фактор позитивного отношения к другим этническим группам, а также фактор выбора аккультурационных стратегий [Croucher, 2013; Kruusvall, Vetik, Berry, 2009; Rohmann, Piontkowski, van Randenborgh, 2008]. Согласно Берри, аккультурационные стратегии можно распределить по двум осям: ориентация на свою культуру и ориентация на культуру принимающего общества. Сочетание двух ориентаций приводит к 4 стратегиям: *интеграция* – сохранение собственной культуры и одновременно принятие культуры принимающего общества; *ассимиляция* – отказ от сохранения собственной культуры и принятие культуры принимающего общества; *сепарация* – сохранение собственной культуры и непринятие культуры принимающего общества; *маргинализация* – отказ от сохранения собственной культуры и непринятие культуры принимающего общества [Berry, 1997].

Рассматривая проблему безопасности в контексте аккультурации, Дж. Берри [Berry, 2017] доказывал, что в основе принятия людей другой культуры лежит чувство безопасности. В зависимости от уровня воспринимаемой безопасности у человека возникает готовность интегрироваться, ассимилироваться или сепарироваться. Достаточно часто исследователи анализировали взаимосвязь воспринимаемой безопасности со стратегиями интеграции и ассимиляции [Berry, 2017; Lebedeva et al., 2017]. Мало исследований, где анализировалась бы взаимосвязь воспринимаемой безопасности с установками на сепарацию [Коджа и др., 2019].

Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации...

Почти не встречаются исследования, которые бы анализировали влияние воспринимаемой безопасности на стратегию маргинализации.

В исследовании русского этнического меньшинства в Эстонии было выявлено, что разные аккультурационные стратегии связаны с разными уровнями угрозы: низкий уровень воспринимаемой культурной угрозы связан с установками на интеграцию, а более высокий уровень воспринимаемой культурной угрозы связан со стратегиями сепарации и ассимиляции [Kruusvall, Vetik, Berry, 2009].

Анализ исследований показал, что чаще всего воспринимаемая безопасность рассматривается как фактор межкультурных установок и психологического благополучия у этнического большинства. Кроме того, проведенное исследование в Северной Ирландии показало, что воспринимаемая межгрупповая угроза способствует ухудшению благополучия принимающего населения страны [Muldoon, Schmid, 2015].

Немного исследований, которые рассматривали бы безопасность как фактор психологической адаптации этнического меньшинства [Галяпина, 2021]. К сожалению, исследований, которые рассматривали бы воспринимаемую безопасность как фактор психологической и социокультурной адаптации мигрантов, практически нет.

Проблема взаимосвязи аккультурационных стратегий, психологической и социокультурной адаптации мигрантов достаточно подробно исследована как в зарубежной, так и в отечественной литературе [Berry, 2017; Verkuyten, 2009]. Большинство исследований показывают, что наиболее успешной является стратегия интеграции, поскольку она приводит как к психологической, так и социокультурной адаптации. Маргинализация в исследованиях рассматривается как наименее эффективная для психологического благополучия мигрантов [Croucher, 2013].

Эффективность стратегий ассимиляции и сепарации связана с особенностями социокультурного контекста и его восприятием [Galyapina, Lepshokova, Molodikova, 2021; Schmitz, Berry, 2011; Jasinskaja-Lahti, Horenczyk, Kinunen, 2011; Kus-Harbord, Ward, 2015]. Исследование, проведенное среди мигрантов из постсоветских стран Средней Азии в Россию, показало, что стратегия ассимиляции положительно взаимосвязана с социокультурной адаптацией и удовлетворенностью мигрантами своей жизнью [Lebedeva, Ryabichenko, 2016]. Однако исследований, в которых взаимосвязь стратегий аккультурации с психологической и социокультурной адаптацией мигрантов рассматривалась через призму воспринимаемой угрозы/безопасности, мало [Галяпина, 2021].

Это позволяет заключить, что воспринимаемая безопасность как условие, которое усиливает/ослабляет взаимосвязь аккультурационных стратегий с психологической и социокультурной адаптацией мигрантов, практически не исследовалась.

Социокультурный контекст

Данное исследование проводилось в России среди трудовых мигрантов, прибывших из двух стран Средней Азии: Таджикистана и Узбекистана. После распада СССР эти республики обрели независимость. Значительный поток мигрантов из данных стран в Россию обусловлен, прежде всего, социально-экономическими проблемами этих стран. Они выступают для многих граждан фактором «выталкивания» в поисках работы и материального благополучия. Миграция именно в Россию детерминируется рядом факторов, которые в литературе отмечаются как «факторы притяжения». Следуя теории «притяжения-выталкивания» (push-pull) [Lee 1966], мы анализировали контексты стран исхода (Таджикистана и Узбекистана) и России с позиции данных факторов [Ивахнюк, 2015].

Россия, Таджикистан и Узбекистан – это страны бывшего СССР, которые имеют общее историческое прошлое. Возможно, поэтому для мигрантов из Средней Азии Россия является менее «культурно далекой» страной в сравнении со странами Европы. Это обстоятельство может выступать фактором, притягивающим мигрантов в Российскую Федерацию.

В Таджикистане и Узбекистане во времена СССР русский язык был официальным, государственным языком, после распада СССР его статус можно отнести к «языку межнационального общения». В реальной жизни он используется в качестве *lingua franca*. Кроме этого, русский язык остается языком культуры и науки в Таджикистане [Летняков, 2015]. Несмотря на то, что в Узбекистане русский язык утратил свой официальный статус, он широко используется в государственных структурах, в сфере образования и СМИ, а также, им хорошо владеют жители туристических городов и столицы [Першуткина, Макушин, Федорко, 2022].

Также в Таджикистане и Узбекистане можно получить образование на русском языке. В Таджикистане есть 29 школ с обучением на русском языке и 149 – со смешанным обучением. В Узбекистане в 903 школах обучение ведется на русском языке [Пьянов, 2011].

Таджикистан и Узбекистан – поликультурные государства, в которых проживают

Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации... представители разных этнических групп и конфессий. Исходя из этого, можно предположить, что мигранты из этих стран имеют опыт межкультурного общения, в том числе и с русскими. В Таджикистане русские составляют около 0,5% населения (около 34 тыс. населения). Это третье по численности этническое меньшинство после узбеков и кыргызов [Монография и атлас..., 2013].

В Узбекистане этнические русские составляют 2,1% населения [Данные о составе населения Узбекистана..., 2010]. Опыт межкультурного общения, в том числе и с русскими, может выступать фактором «притяжения» миграции в Российскую Федерацию.

Согласно теории миграции Е. Ли [Lee 1966], к «выталкивающим» факторам в Таджикистане и Узбекистане можно отнести низкий уровень жизни, высокую безработицу, общую неустроенность, низкое качество услуг. В Таджикистане, например, оплата труда составляет в среднем 135\$ в месяц [Социально-экономическая ситуация..., 2019], и это самая низкая оплата труда в Средней Азии. До 35% ВВП Таджикистана пополняются за счёт денежных переводов мигрантов из России. На территорию России из Узбекистана мигрируют с целью заработка в основном трудовые мигранты из регионов с высоким уровнем бедности и регионов, где нет больших производственных предприятий. Этими регионами являются Бухарская, Кашкадарьинская, Сырдарьинская и Сурхандарьинская области [Сравнительная оценка уровня бедности в Узбекистане..., 2021].

Кроме того, особенности законодательства могут стимулировать миграцию из стран Средней Азии в Россию. Например, граждане Таджикистана могут получить российское гражданство, при этом не отказываясь от своего. Возможно, поэтому они могут выбирать Россию как перспективную страну для дальнейшей жизни. К сожалению, в Узбекистане нельзя иметь два паспорта одновременно. Это может демотивировать граждан Узбекистана на долгосрочную интеграцию, ориентируя их на циркулирующую (временную) миграцию.

С одной стороны, мы видим, что социокультурные контексты стран исхода имеют некоторые сходства. Однако выделенные нами отличия могут обуславливать особенности аккультурации и адаптации трудовых мигрантов из этих стран в России.

На сегодняшний день в России самая большая доля трудовых мигрантов приходится на приезжих из Таджикистана и Узбекистана [Статистические данные ..., 2019]. Поэтому очень важно понимание факторов их эффективной адаптации в России и особенностей, обусловленных страной исхода.

Проблема исследования и исследовательские вопросы

Анализ исследований показал значимость решения проблемы эффективной адаптации трудовых мигрантов в России. Однако до настоящего времени исследователи детально не анализировали в качестве модератора воспринимаемую безопасность. А она является важным условием не только аккультурационных установок, но и фактором психологического благополучия. Кроме этого, особенности страны исхода могут обуславливать как выбор аккультурационных стратегий трудовых мигрантов, так и восприятие принимающего общества в качестве безопасного или опасного. Таким образом, можно сформулировать *проблему*: как будет изменяться (усиливаться/ослабляться) взаимосвязь стратегий аккультурации с психологической и социокультурной адаптацией мигрантов из Таджикистана и Узбекистана в России в зависимости от уровня воспринимаемой ими безопасности.

Опираясь на анализ ранее проведенных исследований, а также учитывая особенности социокультурного контекста, мы сформулировали наши *исследовательские вопросы*:

- 1) Какова модерационная роль воспринимаемой безопасности во взаимосвязи аккультурационных установок (интеграция, ассимиляция, сепарация, маргинализация) с психологическим благополучием (самоуважение и удовлетворенность жизнью) и социокультурной адаптацией у мигрантов из Таджикистана и Узбекистана?
- 2) Каковы различия выявленной модерационной роли воспринимаемой безопасности в зависимости от страны исхода мигрантов?

Процедура и методика исследования

Выборка исследования

В данное исследование вошли трудовые мигранты из Таджикистана и Узбекистана. Первоначально выборка включала 203 респондента (N = 101 граждане Узбекистана, 102 – граждане Таджикистана). Первичный анализ этнической принадлежности (мы контролировали ее с помощью отдельного вопроса) показал, что выборка мигрантов из Узбекистана включала как узбеков, так и таджиков и кыргызов. Выборка Таджикистана включала, кроме таджиков, еще узбеков и кыргызов. Для чистоты анализа мы удалили из выборки Узбекистана респондентов – представителей этнических меньшинств (таджиков и кыргызов). Из выборки Таджики-

Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации... стана были удалены респонденты – этнические меньшинства данной страны (узбеки и кыргызы). В итоге общую выборку составил N = 181 респондент. Основные характеристики выборки представлены в таблице 1.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики выборки исследования

	Таджики	Узбеки
Пол		
Женщины	35,2%	43,0%
Мужчины	64,8%	57,0%
Возраст		
Среднее (стд. отклонение)	32,3 (SD = 8,81) (макс = 56, мин = 19)	31,0 (SD = 8,91) (макс = 66, мин = 20)
Образование		
Неполное среднее	-	1,1%
Общее среднее	14,8%	37,7%
Среднее-специальное	48,9%	44,1%
Высшее	36,4%	17,2%
Отношение к религии		
Не исповедую никакой религии	2,3%	-
Ислам	97,7%	100%
Итого	88 (100%)	93 (100%)

Процедура исследования

В опросе использовалась удобная выборка (при отборе респондентов не предъявлялись требования к репрезентативности выборки и оценки вероятности), применялся метод «снежного кома». В опросе участвовали трудовые мигранты – женщины и мужчины от 18 до 65 лет. Средний возраст респондента 31,6 (SD = 8,9). Социально-психологический опрос был проведен на таджикском и узбекском языках.

Инструментарий

В данном исследовании применялись шкалы из опросника проекта MIRIPS [Лебедева, Татарко, 2009]. С помощью прямого и обратного перевода все шкалы были переведены на

Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации... таджикский и узбекский языки. Далее все шкалы были проверены на согласованность с помощью альфа Кронбаха.

Воспринимаемая безопасность. Шкала включала 3 пункта, например, «В России есть место многообразию языков и культур»; $\alpha_{\text{узбеков}} = 0,58$, $\alpha_{\text{таджиков}} = 0,59$;

Стратегии аккультурации: шкала интеграции включала 4 пункта, например, «Для меня важно свободно владеть как узбекским/таджикским, так и русским языками»; $\alpha_{\text{узбеков}} = 0,69$, $\alpha_{\text{таджиков}} = 0,69$; шкала ассимиляция включала 4 пункта, например, «Я предпочитаю общественную деятельность, в которой участвуют только русские»; $\alpha_{\text{узбеков}} = 0,71$, $\alpha_{\text{таджиков}} = 0,72$; шкала сепарации включала 4 пункта, например, «Я предпочитаю участвовать в мероприятиях, в которых участвуют только узбеки/таджики»; $\alpha_{\text{узбеков}} = 0,69$, $\alpha_{\text{таджиков}} = 0,72$; шкала маргинализации включала 4 пункта, например, «Я не хочу участвовать в деятельности как русских, так и таджикских/узбекских обществ», $\alpha_{\text{узбеков}} = 0,67$, $\alpha_{\text{таджиков}} = 0,68$.

Психологическая адаптация измерялась с помощью двух шкал: шкалы самоуважения, включающей 4 утверждения, например, «Я считаю, что у меня есть хорошие качества»; $\alpha_{\text{узбеков}} = 0,75$, $\alpha_{\text{таджиков}} = 0,77$; и шкалы удовлетворенности жизнью, включающей 4 утверждения, например, «У меня есть всё, что мне необходимо в жизни»; $\alpha_{\text{узбеков}} = 0,74$, $\alpha_{\text{таджиков}} = 0,73$.

Социокультурная адаптация. Шкала включала в себя 20 утверждений. У респондентов спрашивали, испытывают ли они трудности в разных ситуациях, например, в «общении с людьми противоположного пола»; $\alpha_{\text{узбеков}} = 0,96$, $\alpha_{\text{таджиков}} = 0,95$.

Социально-демографические данные: пол, возраст, образование, этническая и религиозная принадлежность респондентов.

Математико-статистическая обработка данных: были использованы описательные статистики, α Кронбаха, ANOVA и регрессионный анализ с дополнительным модерационным анализом (модуль «Process», применялась модель 3), (SPSS 22.0).

Результаты исследования

На первом этапе мы сравнили все исследуемые переменные у мигрантов из Таджикистана и Узбекистана с помощью ANOVA (страна была независимой переменной, а воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации, психологическое благополучие, социокультурная адаптация – зависимыми). Результаты показали значимые различия: Wilks's $\Lambda = 0,784$, $F(8,$

Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации... 172) = 5,925, $p = 0,000$, $\eta^2 = 0,216$. Анализ по отдельным показателям также показал значимые различия в уровне воспринимаемой безопасности (выше у мигрантов из Таджикистана), а также в выраженности установок на интеграцию и самоуважения (выше у мигрантов из Таджикистана, чем из Узбекистана). Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Сравнение средних значений всех переменных у мигрантов из Таджикистана и Узбекистана

Переменные	Группы		F (3, 178)	Partial η^2
	таджики из Таджикистана	узбеки из Узбекистана		
	M (SD)	M (SD)		
Воспринимаемая безопасность	3,91(1,05)	3,61(0,93)	3,609*	0,020
Интеграция	4,68(0,50)	4,10(1,06)	21,453***	0,107
Ассимиляция	2,21 (1,05)	1,95(1,03)	2,621	0,014
Сепарация	2,25(0,99)	2,39(1,02)	0,719	0,004
Маргинализация	2,24 (1,06)	2,19 (1,01)	0,119	0,001
Самоуважение	4,63(0,62)	4,13(0,90)	18,232***	0,092
Удовлетворенность жизнью	3,36(1,08)	3,13(1,01)	1,998	0,011
Социокультурная адаптация	2,65(1,08)	2,49(1,05)	2,174	0,012

Примечания. Уровень значимости различий: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,000$.

Далее, используя дополнительный модуль Process (модель 3 – модерируемая модерация, общий вид релевантный для данного исследования представлен на рисунке 1), мы проанализировали модерационную роль воспринимаемой безопасности во взаимосвязи аккультурационных стратегий трудовых мигрантов с учетом страны исхода. Был проведен модерационный анализ, позволяющий установить эффект страны исхода на безопасность, которая, в свою очередь, оказывает влияние (ослабляет или усиливает) на взаимосвязь аккультурационных стратегий с психологической и социокультурной адаптацией (данный вид модерационного анализа получил название «модерируемая модерация»).

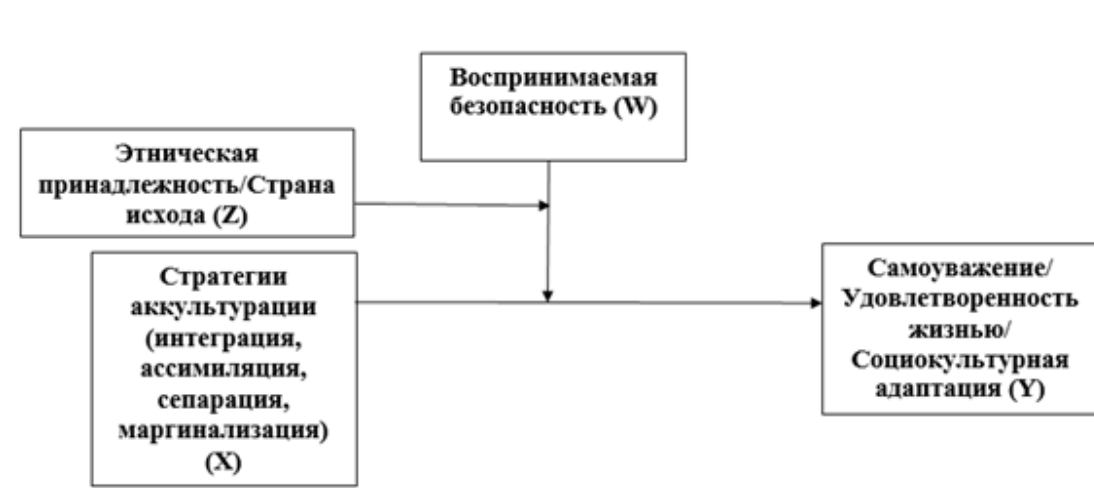

Рис 1. Модель модулируемой модерации воспринимаемой безопасности во взаимосвязи стратегий аккультурации и адаптации при учёте страны исхода мигрантов.

В статье представлены только значимые модели. В таблице 3 и на рисунке 2 представлены данные для самоуважения, в таблице 4 и на рисунке 3 – для удовлетворенности жизнью, в таблице 5 и на рисунке 4 – для социокультурной адаптации.

Таблица 3

Нестандартизированные бета-коэффициенты и индексы моделей взаимосвязи стратегий аккультурации, воспринимаемой безопасности и страны исхода с самоуважением

Предикторы	Модель 3: R = 0,412, R ² = 0,17, p < 0,001
Ассимиляция	-1,132 (p = 0,05) [-2,43; -0,16]
Воспринимаемая безопасность	-0,550 (p=0,13) [-1,27; 0,17]
Страна исхода	-2,430 (p =0,01) [-4,28; -0,58]
Ассимиляция × Воспринимаемая безопасность	0,275 (p =0,05) [0,03; 0,58]
Ассимиляция × Страна исхода	0,837 (p = 0,04) [0,02; 1,67]
Воспринимаемая безопасность × Страна исхода	0,533 (p =0,02) [0,07; 0,69]
Ассимиляция × Воспринимаемая безопасность × Страна исхода	-0,231 (p =0,03) [-0,43; -0,03]
Предикторы	Модель 3: R= 0,459, R ² = 0,210, p< 0,001
Маргинализация	-1,572 (p = 0,02); [-2,90; -0,24]
Воспринимаемая безопасность	-0,813(p=0,03) [-1,55; -0,08]

Страна исхода	-3,021 (p = 0,002) [-4,93; -1,11]
Маргинализация × Воспринимаемая безопасность	0,399 (p = 0,01) [0,08; 0,71]
Маргинализация × Страна исхода	1,095 (p = 0,008) [0,29; 1,90]
Воспринимаемая безопасность × Страна исхода	0,709 (p = 0,003) [0,24; 1,18]
Маргинализация × Воспринимаемая безопасность × Страна исхода	-0,305 (p = 0,002) [-0,50; -0,11]

Примечания. [LLCI; ULCI] – нижний (LLCI) и верхний (ULCI) пределы асимптотических доверительных интервалов для параметров модели.

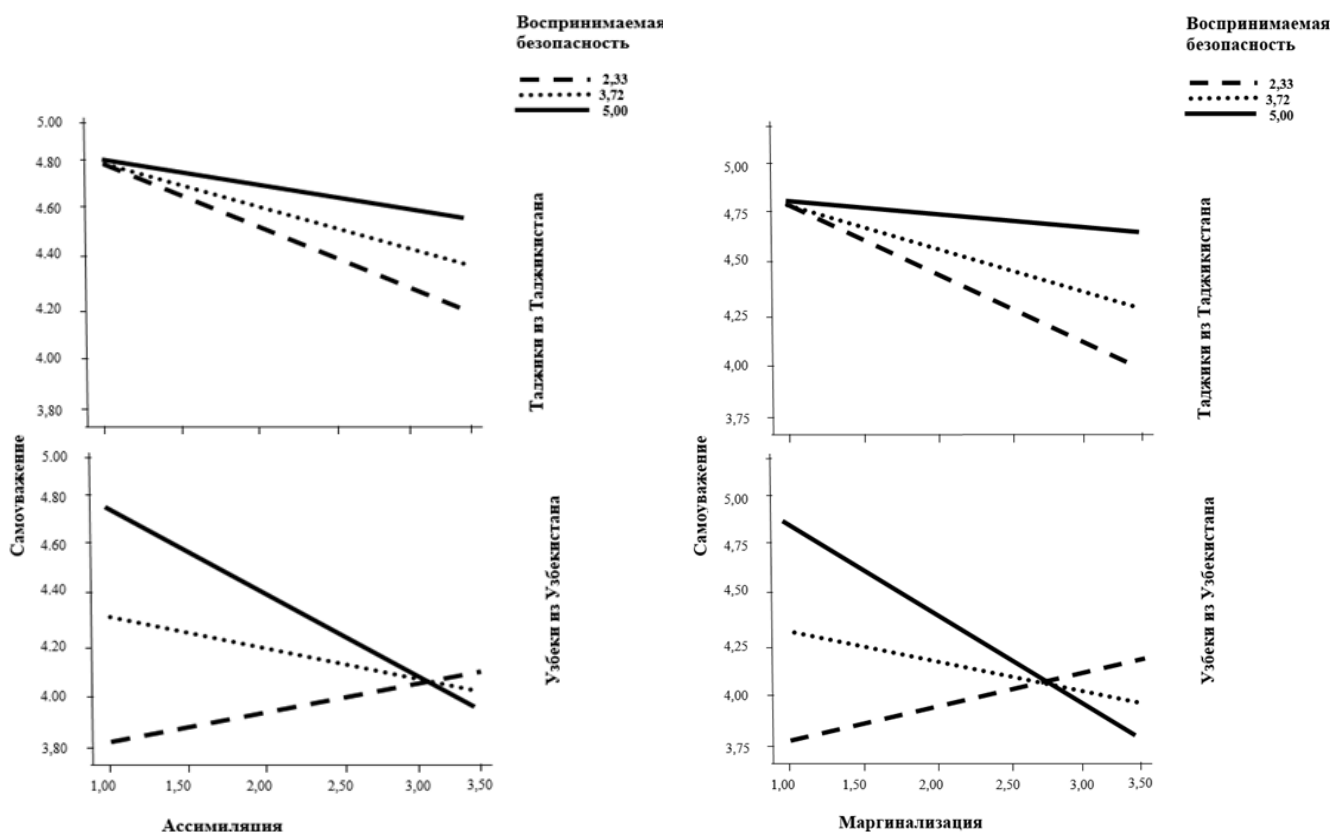

Рис. 2. Модель модулируемой модерации воспринимаемой безопасности (модератор 1), страны исхода (модератор 2), ассимиляции и маргинализации (предикторы) и самоуважения (ауткам, эффект от воздействия).

Результаты показали, что в целом, вне зависимости от страны исхода и уровня воспринимаемой безопасности, ассимиляция не способствует самоуважению трудовых мигрантов из Средней Азии. Анализ с помощью модулируемой модерации показал, что у мигрантов из Таджикистана при низком уровне воспринимаемой безопасности стратегия ассимиляции снижает их самоуважение. У мигрантов из Узбекистана ситуация была обратная: при высоком уровне воспринимаемой безопасности стратегия ассимиляции не

Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации... способствовала их самоуважению, а при низком уровне, напротив, способствовала самоуважению мигрантов.

Стратегия маргинализации также была отрицательно взаимосвязана с самоуважением мигрантов из Средней Азии вне зависимости от страны исхода и уровня воспринимаемой безопасности. Также у мигрантов из Таджикистана при низком уровне воспринимаемой безопасности стратегия маргинализации была отрицательно взаимосвязана с их самоуважением. У мигрантов из Узбекистана при низком уровне воспринимаемой безопасности стратегия маргинализации приводила к самоуважению, а при высоком уровне воспринимаемой безопасности, напротив, снижала самоуважение узбекских мигрантов.

Результаты показали, что вне зависимости от страны исхода и воспринимаемой безопасности стратегия сепарации положительно взаимосвязана с удовлетворенностью жизнью (таблица 4, рисунок 3). Что касается модерируемой модерации, то она показала, что воспринимаемая безопасность является значимым модератором только для мигрантов из Таджикистана: при низком и среднем уровнях воспринимаемой безопасности стратегия сепарации приводила к их удовлетворенности жизнью.

Таблица 4

Нестандартизированные бета-коэффициенты и индексы моделей взаимосвязи стратегий аккультурации, воспринимаемой безопасности и страны исхода с удовлетворенностью жизнью

Предикторы	Модель 3: R = 0,404, R ² = 0,16, p < 0,001
Сепарация	2,972 (p= 0,002) [1,13; 4,82]
Воспринимаемая безопасность	1,547 (p=0,006) [0,43; 2,66]
Страна исхода	3,151 (p =0,03) [0,39; 5,90]
Сепарация × Воспринимаемая безопасность	-0,584 (p =0,01) [-1,04; - 0,12]
Сепарация × Страна исхода	-1,500 (p = 0,008) [-2,61; -0,38]
Воспринимаемая безопасность × Страна исхода	-0,665 (p =0,05) [-1,36; -0,03]
Сепарация × Воспринимаемая безопасность × Страна исхода	0,304 (p =0,03) [0,02; 0,59]

Примечания. [LLCI; ULCI] – нижний (LLCI) и верхний (ULCI) пределы асимптотических доверительных интервалов для параметров модели.

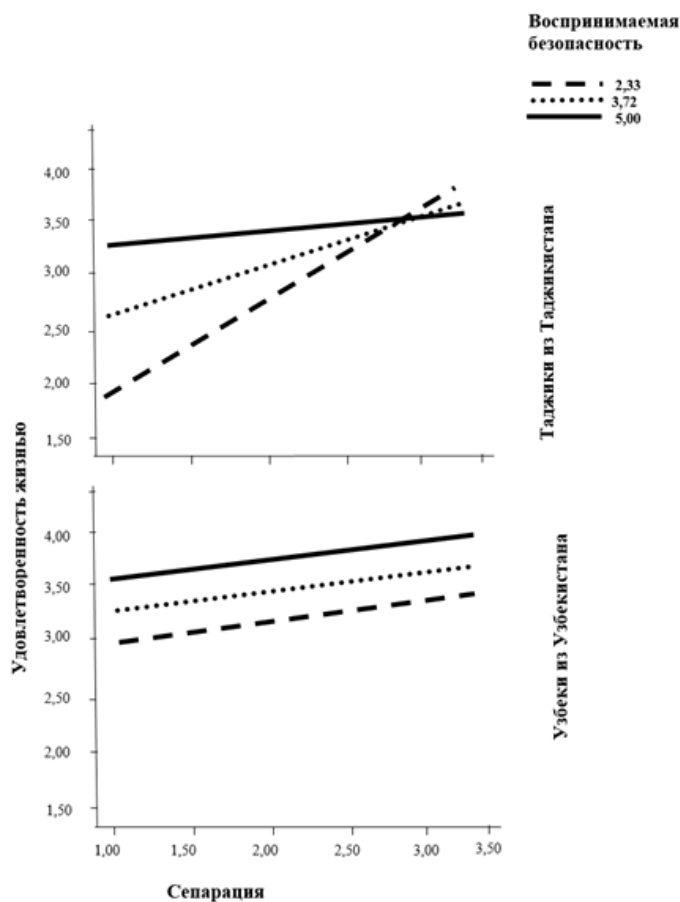

Рис 3. Модель модерируемой модерации воспринимаемой безопасности (модератор 1), страны исхода (модератор 2), сепарация (предиктор) и удовлетворенность жизнью (аутком, эффект от воздействия).

Результаты, полученные для социокультурной адаптации (таблица 5), показали, что ассимиляция и маргинализация вне зависимости от страны исхода и воспринимаемой безопасности были положительно взаимосвязаны с социокультурной адаптацией. Также данные показали, что у мигрантов из Таджикистана при низком и среднем уровнях воспринимаемой безопасности стратегия маргинализации была положительно взаимосвязана с социокультурной адаптацией. Такая же тенденция была выявлена у мигрантов из Узбекистана: при низком уровне воспринимаемой безопасности стратегия маргинализации положительно взаимосвязана с социокультурной адаптацией. Однако в ситуации высокой воспринимаемой безопасности стратегия маргинализации была отрицательно взаимосвязана с социокультурной адаптацией.

Таблица 5

Нестандартизированные бета-коэффициенты и индексы моделей взаимосвязи стратегий аккультурации, воспринимаемой безопасности и страны исхода с социокультурной адаптацией

Предикторы	Модель 3: R= 0,363, R ² = 0,132, p< 0,001
Ассимиляция	1,658 (p = 0,05); [0,16; 3,48]
Воспринимаемая безопасность	0,402(p=0,43) [-0,61; 1,41]
Страна исхода	0,976 (p=0,45) [-4,93; -1,11]
Ассимиляция × Воспринимаемая безопасность	-0,155 (p=0,48) [-0,59; 0,28]
Ассимиляция × Страна исхода	-0,536 (p=0,35) [-1,67; 0,60]
Воспринимаемая безопасность × Страна исхода	0,017 (p=0,96) [-0,63; 0,66]
Ассимиляция × Воспринимаемая безопасность × Страна исхода	-0,008 (p=0,95) [-0,29; 0,27]
Предикторы	Модель 3: R = 0,391, R ² = 0,15, p < 0,001
Маргинализация	2,572 (p=0,006); [0,75; 4,53]
Воспринимаемая безопасность	0,836 (p=0,11) [-1,55; -0,08]
Страна исхода	1,169 (p=0,39) [-1,53; 3,87]
Маргинализация × Воспринимаемая безопасность	-0,447 (p= 0,04) [-0,89; -0,02]
Маргинализация × Страна исхода	-0,873 (p=0,13) [-2,01; 0,27]
Воспринимаемая безопасность × Страна исхода	-0,093 (p=0,78) [-0,76; 0,57]
Маргинализация × Воспринимаемая безопасность × Страна исхода	0,099 (p=0,48) [-0,18; 0,38]

Примечания. [LLCI; ULCI] – нижний (LLCI) и верхний (ULCI) пределы асимптотических доверительных интервалов для параметров модели.

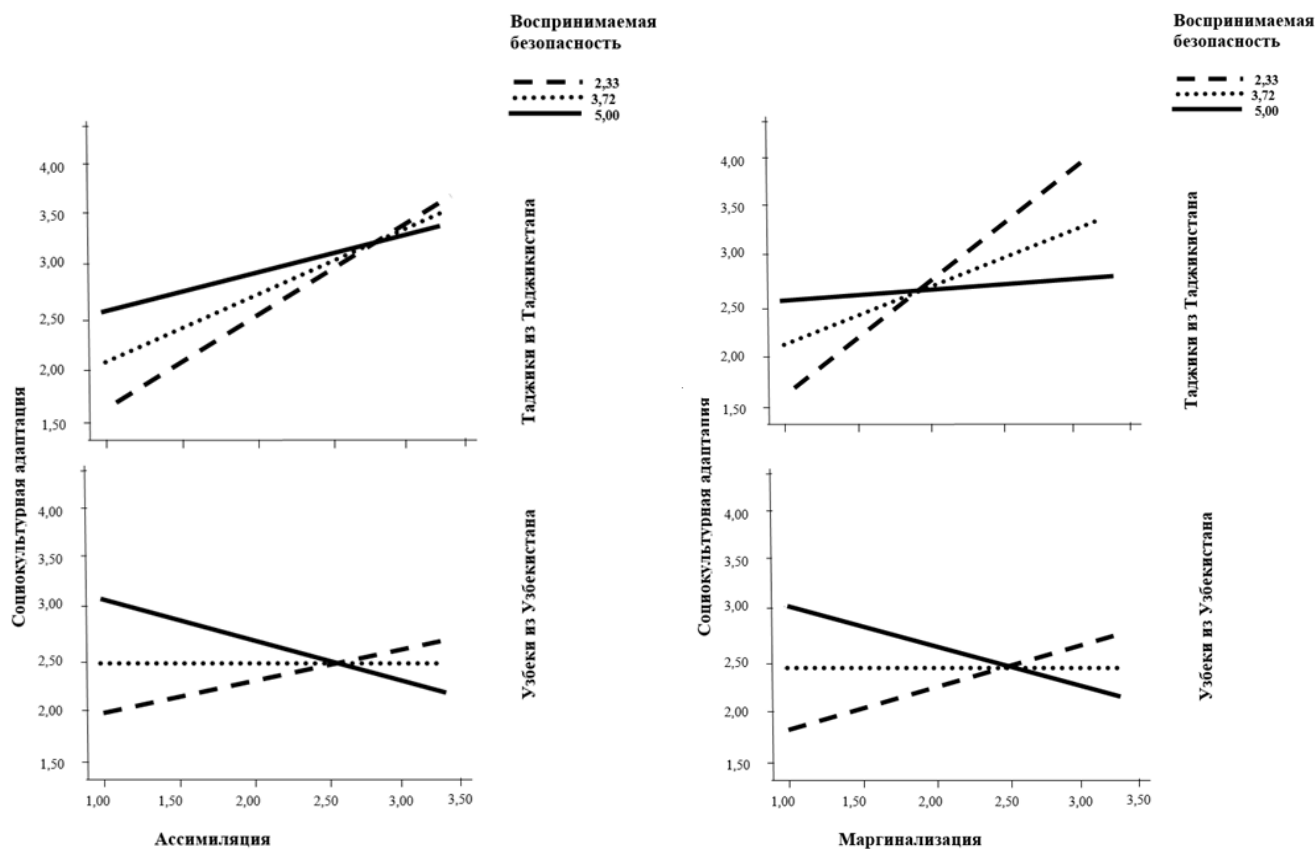

Рис. 4. Модель модерируемой модерации воспринимаемой безопасности (модератор 1), страны исхода (модератор 2), ассимиляции и маргинализации (предикторы) и социокультурной адаптации (ауткам, эффект от воздействия).

Обсуждение результатов

Данное исследование было посвящено изучению роли воспринимаемой безопасности во взаимосвязи стратегий аккультурации с психологической и социокультурной адаптацией мигрантов из Таджикистана и Узбекистана в России. Используя модерационный анализ, мы ответили на наши исследовательские вопросы: какова модерационная роль воспринимаемой безопасности во взаимосвязи аккультурационных установок (интеграция, ассимиляция, сепарация, маргинализация) с психологическим благополучием (самоуважение и удовлетворенность жизнью) и социокультурной адаптацией у мигрантов из Таджикистана и Узбекистана? каковы различия выявленной модерационной роли воспринимаемой безопасности в зависимости от страны исхода мигрантов?

Полученные результаты показали, что воспринимаемая безопасность, установки на интеграцию и самоуважение выше у мигрантов из Таджикистана. Это может быть связано с тем, что, в принципе, трудовые мигранты из этой страны могут быть более ориентированы на

Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации... интеграцию и чувствовать себя в большей безопасности из-за того, что имеют возможность получить двойное гражданство. Их юридический статус гражданина России не мешает им оставаться гражданином своей страны, они могут беспрепятственно возвращаться на историческую родину и не испытывать проблем. Мигранты из Узбекистана и Таджикистана в целом не ориентированы на ассимиляцию, и она не приносит им самоуважения. В целом это согласуется с ранее проведенными исследованиями среди мигрантов, в которых данная стратегия имела негативные взаимосвязи с самоуважением [Berry, 2017; Лебедева, Татарко, 2017; Lebedeva, Tatarko, 2013].

Сравнение стран в ходе модерационного анализа показало, что у мигрантов из Таджикистана чувство угрозы снижает негативную взаимосвязь ассимиляции и самоуважения. То есть в ситуации угрозы стратегия ассимиляции становится для них более приемлемой. Если мигранты из Узбекистана чувствуют опасность, то у них так же стратегия ассимиляции способствует самоуважению. Однако ситуация меняется, если они чувствуют себя в безопасности в России: стратегия ассимиляции становится очень неэффективной с позиции их самоуважения.

Аккультурационные установки на маргинализацию в целом снижали самоуважение мигрантов из Средней Азии. Эти данные также подтверждаются ранее проведенными исследованиями, в которых стратегия маргинализации являлась самой неэффективной в контексте психологического благополучия мигрантов [Berry, 2017]. Сравнительный анализ по странам показал, что у мигрантов из Таджикистана воспринимаемая угроза модерировала отрицательную взаимосвязь данной стратегии и самоуважения. У мигрантов из Узбекистана при ощущении угрозы стратегия маргинализации приводила к самоуважению, а при ощущении безопасности, напротив, снижала самоуважение узбекских мигрантов.

Что касается удовлетворенности жизнью мигрантов, то можно отметить, что у мигрантов из Узбекистана и Таджикистана только стратегия сепарации была положительно связана с ней. В ранее проведенных исследованиях также есть примеры, когда стратегия сепарации приносит психологическое благополучие мигрантам [Коджа и др., 2019; Галяпина, Лепшокова, 2017]. Модерационная роль воспринимаемой безопасности была выявлена только для мигрантов из Таджикистана: при ощущении угрозы стратегия сепарации повышала их удовлетворенность жизнью.

В отношении социокультурной адаптации можно отметить, что ассимиляция и маргинализация предсказывают эффективную социокультурную адаптацию среднеазиатских

Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации... мигрантов. Эти результаты являются достаточно интересными и требуют дополнительного анализа, возможно, проведения интервью, поскольку эти стратегии, а особенно маргинализация, как правило, являются неэффективными для адаптации мигрантов. Сравнительный анализ показал, что у мигрантов и из Таджикистана, и из Узбекистана при ощущении угрозы стратегия маргинализации приводит к социокультурной адаптации. В ситуации высокой воспринимаемой безопасности стратегия маргинализации, напротив, снижала социокультурную адаптацию (эта тенденция выявлена только у мигрантов из Узбекистана).

Выводы и заключение

1. Воспринимаемая безопасность, установки на интеграцию и самоуважение были более выражены у мигрантов из Таджикистана в сравнении с мигрантами из Узбекистана.
2. Установки на ассимиляцию и маргинализацию были отрицательно взаимосвязаны с самоуважением трудовых мигрантов из обеих стран. Ситуация воспринимаемой угрозы минимизировала эту негативную связь и делала данные стратегии более приемлемыми для среднеазиатских мигрантов в контексте их самоуважения.
3. Сравнительный анализ двух групп мигрантов показал, что при повышении безопасности у мигрантов из Таджикистана связь ассимиляции и маргинализации с самоуважением не менялась. Однако у мигрантов из Узбекистана при повышении безопасности данные стратегии становились менее эффективными для самоуважения.
4. Удовлетворенность жизнью мигрантов из обеих стран определялась установками на сепарацию: чем они выше, тем выше удовлетворенность жизнью. Воспринимаемая угроза только для мигрантов из Таджикистана выполняла роль модератора: в ситуации угрозы положительная взаимосвязь между стратегией сепарации и удовлетворенностью жизнью усиливалась.
5. Стратегии ассимиляции и маргинализации были положительно взаимосвязаны с социокультурной адаптацией среднеазиатских мигрантов.
6. Сравнительный анализ двух групп показал, что при ощущении угрозы мигрантами из обеих стран положительная взаимосвязь между стратегией маргинализации и социокультурной адаптацией усиливалась. При повышении чувства безопасности стратегия маргинализации отрицательно сказывалась на социокультурной адаптации только мигрантов из Узбекистана.

В целом данное исследование позволило выделить как общие тенденции взаимосвязи воспринимаемой безопасности, аккультурационных стратегий и адаптации среднеазиатских мигрантов в России, так и специфические. Было установлено, что стратегии ассимиляции и маргинализации способствуют снижению самоуважения, но повышают социокультурную адаптацию мигрантов. Стратегия сепарации способствовала удовлетворенности жизнью. Воспринимаемая угроза в обеих группах трудовых мигрантов способствовала тому, что стратегии ассимиляции и маргинализации приводили к самоуважению, а стратегия маргинализации повышала социокультурную адаптацию. Для мигрантов из Узбекистана, в отличие от мигрантов из Таджикистана, также была важна и воспринимаемая безопасность, поскольку она усиливала в целом доминирующий отрицательный паттерн взаимосвязи ассимиляции и маргинализации с психологической адаптацией, а также изменяла роль маргинализации для социокультурной адаптации мигрантов (делала ее негативной).

Полученные результаты важны для понимания моделей поведения мигрантов из данных стран в разных ситуациях (безопасных/угрожающих). Они могут быть полезны работодателям, специалистам, которые работают с мигрантами для повышения эффективности адаптации мигрантов в России.

Данное исследование имеет *свои ограничения*, связанные, прежде всего, с небольшой выборкой исследования. Также в данном исследовании мы не учитывали фактор владения мигрантами русским языком, который может сказываться в целом на их адаптации.

Финансирование

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Литература

Галяпина В.Н. Аккультурационные установки и психологическое благополучие русских в Кыргызстане и Таджикистане: модерационная роль воспринимаемой безопасности // Культурно-Историческая психология. 2021. Т. 17. №. 4. С. 34-45 DOI:10.17759/chp.2021170404

Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации...
Галяпина В.Н., Лепшокова З.Х. Межэтнические отношения в современном Дагестане // Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / под общ. ред.: Н.М. Лебедева. М., 2017. С. 212-239.

Журавлев А.Л., Тарабрина Н.В. Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям (вместо предисловия) // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–21.

Ивахнюк И.В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. №. 1(15).

Коджа Е.А., Лебедева Н.М., Галяпина В.Н., Лепшокова З.Х., Рябиченко Т.А. Межкультурные отношения в российском Крыму: эмпирическая проверка трех гипотез // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. №. 2. С. 250-268 DOI: 10.17323/1813-8918-2019-2-250-268.

Лебедева Н., Зубова Д. Психологическая адаптация москвичей к культурному многообразию: опыт качественного исследования // Межкультурные отношения на постсоветском пространстве. Монография под ред. Н.М. Лебедевой. М., 2017. С. 121-155.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России. М., 2009.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Межкультурные отношения латышей и русских в постсоветской Латвии // Межкультурные отношения на постсоветском пространстве. М., 2017. С. 301-323.

Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000.

Летняков Д.Э. Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии // Электронный ресурс // Полития. 2015. №. 4 (79): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-russkogo-yazyka-v-postsovetskoy-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 21.02.2021).

Монография и атлас Республики Таджикистан по данным переписи населения и жилищного фонда 2010 года // Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан // Ин-

Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации...
тернет-портал: [сайт]. URL: <https://vdushanbe.ru/catalog/society/agentstvo-po-statistike-pri-prezidente-respubliki-tadzhikistan/> (дата обращения: 09.05.2021).

Опубликованы данные об этническом составе населения Узбекистана // Газета Уз // Интернет-портал: [сайт]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/20/ethnic-groups/> (дата обращения: 29.04.2023).

Першуткина С.П., Макушин М.А., Федорко В.Н. Русский язык в геокультурном пространстве Узбекистана: факторы, тенденции, территориальные и социальные особенности развития // Центральноазиатский журнал географических исследований. 2022. № 1-2. С. 61-76.

Пьянов А.Е. Статус русского языка в странах СНГ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. Т. 3. № 47. С. 55-59.

Социально-экономическая ситуация в первом полугодии 2019 года и краткосрочные перспективы // Евразийский Фонд стабилизации и развития: [сайт]. URL: https://efsd.org/upload/iblock/52b/RT_makroobzor_2019kv2.pdf (дата обращения: 22.05.2023).

Сравнительная оценка уровня бедности в Узбекистане. Статистические данные // Интернет-ресурс: [сайт]. URL: <https://ifmr.uz/files/publications/ru/807554.pdf>. (дата обращения: 22.04.2023).

Статистические данные // Интернет-ресурс: [сайт]. URL: <https://wika.tutoronline.ru/geografiya/> (дата обращения: 22.04.2023).

Berry J.W. (Ed.) Mutual Intercultural Relations). Cambridge: Cambridge University Press. 2017, DOI: 10.1017/9781316875032.001

Berry, J.W. Immigration, acculturation, and adaptation. Applied Psychology: An International Review, 1997. 46, 5–34.

Croucher S.M. Integrated threat theory and acceptance of immigrant assimilation: an analysis of Muslim immigration in Western Europe. Communication Monographs. 2013, Vol. 80, P. 46-62.

Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации...
Galyapina V., Lepshokova Z., Molodikova I. Intercultural relations in Dagestan: the role of perceived security, intercultural contacts, and mutual acculturation. *Central Asia and the Caucasus*. 2021. Vol. 22. № 1. DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.1.07>

Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T. Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2011. Vol. 37. № 9. P. 1423-1440.

Kruusvall J., Vetik R., Berry J.W. The strategies of inter-ethnic adaptation of Estonian Russians. *Studies of Transition States and Societies*, 2009. Vol.1, P. 3–24.

Kus-Harbord L., Ward C. Ethnic Russians in post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, well-being, and ethnic attitudes. *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*. 2015, Vol. 4. №1. P. 66–81. DOI: 10.1037/ipp0000025

Lebedeva N., Ryabichenko T. Assimilation or integration: Similarities and differences between acculturation attitudes of migrants from Central Asia and Russians in Central Russia. *Psychology in Russia: State of the Art*. 2016. Vol. 9. №1. P. 98-111. DOI: 10.11621/pir.2016.0107

Lebedeva N., Galyapina V.N., Lepshokova Z., Ryabichenko T. *Intercultural Relations in Russia. Mutual intercultural relations* / Ed. by J. W. Berry. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. doi Ch. 2. P. 34-58. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316875032.002>

Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Immigration and intercultural interaction strategies in post-Soviet Russia. // *Immigration: Policies, challenges, and impact.* / Ed. by E. Tartakovsky, New York: Nova Science, 2013. P. 179–194.

Lee E.S. A Theory of Migration. *Demography*. 1966. №3. P. 47–57.

Muldoon O.T., Schmid K. Perceived Threat, Social Identification, and Psychological Well-Being: The Effects of Political Conflict Exposure. *Political Psychology*. 2015. Vol. 29.

Nshom E., Croucher S.M. Threats and attitudes toward Russian-speaking immigrants: a comparative study between younger and older Finns Russian. *Journal of Communication*. 2014. Vol. 6. №3. P. 308-317.

Rohmann A., Piontkowski U., van Randenborgh A. When attitudes do not fit: discordance of acculturation attitudes as an antecedent of intergroup threat. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. Vol. 34. P. 337-352.

Schmitz P.G., Berry J.W. Structure of acculturation attitudes and their relationships with personality and psychological adaptation: A Study with immigrant and national samples in Germany // F. Deutsch, M. Boehnke, U. Kühnen, & K. Boehnke (Eds.), *Crossing borders: Cross-cultural and cultural psychology as an interdisciplinary, multi-method endeavor*. Jacobs University Bremen. 2011.

Stephan W.G., Ybarra O., Morrison K.R. Intergroup threat theory // T.D. Nelson (Ed.), *Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination* (P. 43-59). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 2009.

Stephan W.G., Stephan C.W. An integrated Threat Theory of Prejudice // *Reducing prejudice and discrimination* // Ed. by S. Oskamp: Lawrence Erlbaum associates, Mahwah, New Jersey, 2000 P. 23-44.

Verkuyten M. Self-esteem and multiculturalism: An examination among ethnic minority and majority groups in the Netherlands. *Journal of Research in Personality*. 2009, Vol. 43. P. 419-427

Поступила в редакцию: 30 мая 2023 г. Дата публикации: 31 октября 2023 г.

Сведения об авторах

Хожиев Жавохир Жалилович. Аспирант аспирантской школы по психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, 101001 Москва, Россия.

E-mail: zhhozhiev@hse.ru

Галяпина Виктория Николаевна. Доктор психологических наук, доцент, доцент департамента психологии, главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, 101001 Москва, Россия.

E-mail: vgalyapina@hse.ru

Ссылка для цитирования

Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации и адаптация трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана в России. Психологические исследования. 2023. Т. 16, № 90. С. 4. URL: <https://psystudy.ru>

Адрес статьи: <https://doi.org/10.54359/ps.v16i90.1436>

Khojiev J.J.¹, Galyapina V.N.¹ Perceived security, acculturation strategies and adaptation of labor migrants from Uzbekistan and Tajikistan in Russia

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

This research is dedicated to analyzing the adaptation challenges faced by the largest group of labor migrants from Uzbekistan and Tajikistan in Russia. There are no significant differences in the perception of representatives from different ethnic migrant groups in Central Asia by the host population. However, they differ in language, culture, attitudes towards Russians and Russia, and perceived security, which may impact their adaptation in the host society. Additionally, the features of the countries of origin can influence migrants' acculturation and adaptation in Russia. Using the J. Berry's theory of acculturation, we examined the moderating role of perceived security in the relationship between acculturation strategies and life satisfaction, self-esteem, and sociocultural adaptation, taking into account the country of origin.

The sample included 181 migrants: 88 Tajiks from Tajikistan and 93 Uzbeks from Uzbekistan. The results of the moderation analysis indicated that assimilation and marginalization strategies were negatively related to self-esteem and positively related to sociocultural adaptation for migrants from both Uzbekistan and Tajikistan. Separation strategy was positively related to migrants' life satisfaction. For migrants from Tajikistan, perceived threat more often acted as a moderator, intensifying the relationship between strategies and migrants' adaptation indicators. For migrants from Uzbekistan, perceived security was the prevailing moderator. The obtained data are important for understanding behavioral patterns of migrants from Tajikistan and Uzbekistan in situations of varying degrees of security. They can be valuable for employers and professionals working with migrants in Russia.

Keywords: labor migrants, perceived security, acculturation, adaptation, Tajikistan, Uzbekistan

Funding

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

References

Galyapina V.N. Akkul'turacionny`e ustanovki i psixologicheskoe blagopoluchie russkix v Ky`rgy`zstane i Tadzhi-kistane: moderacionnaya rol` vosprinimaemoj bezopasnosti // Kul`turno-Istoricheskaya psixologiya. 2021. Vol. 17. №. 4. P. 34-45 DOI:10.17759/chp.2021170404.

Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации...
Galyapina V.N., Lepshokova Z.X. Mezhe`tnicheskie otnosheniya v sovremennom Dagestane // Mezhhkul`turny`e otnosheniya na postsovetskom prostranstve / pod obshh. red.: N.M. Lebedeva. M, 2017. P. 212-239.

Ivaxnyuk I.V. Razvitie migracionnoj teorii v usloviyax globalizacii // Vek globalizacii. 2015. №. 1(15).

Kodzha E.A., Lebedeva N.M., Galyapina V.N., Lepshokova Z.X., Ryabichenko T.A. Mezhhkul`turny`e otnosheniya v rossijskom Kry`mu: e`mpiricheskaya proverka trex gipotez // Psixologiya. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2019. Vol. 16. №. 2. P. 250-268 DOI: 10.17323/1813-8918-2019-2-250-268.

Lebedeva N., Zubova D. Psixologicheskaya adaptaciya moskvichej k kul`turnomu mnogoobraziyu: opy`t kachestvennogo issledovaniya // Mezhhkul`turny`e otnosheniya na postsovetskom prostranstve. Monografiya pod red. N.M. Lebedevoj. M, 2017. P. 121-155.

Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Strategii mezhhkul`turnogo vzaimodejstviya migrantov i primimayushhego naseleniya Rossii. M, 2009.

Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Mezhhkul`turny`e otnosheniya laty`shej i russkix v postsovetskoj Latvii // Mezhhkul`turny`e otnosheniya na postsovetskom prostranstve. M, 2017. P. 301-323.

Levin K. Teoriya polya v social`ny`x naukax. SPb.: Sensor, 2000.

Letnyakov D.E`. Rol` russkogo yazy`ka v postsovetskoj Central`noj Azii // E`lektronny`j resurs // Politiya. 2015. №. 4 (79): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-russkogo-yazyka-v-postsovetskoj-tsentralnoj-azii> (data obrashheniya: 21.02.2021).

Monografiya i atlas Respubliki Tadzhhikistan po danny`m perepisi naseleniya i zhilishhnogo fonda 2010 goda // Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadzhhikistan // Internet-portal: [sajt]. URL:<https://vdushanbe.ru/catalog/society/agentstvo-po-statistike-pri-prezidente-respubliki-tadzhhikistan/> (data obrashheniya: 09.05.2021).

Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации...
Opublikovany` danny`e ob e`tnicheskom sostave naseleniya Uzbekistana // Gazeta Uz // Internet-portal: [sajt]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/20/ethnic-groups/> (data obrashheniya: 29.04.2023).

Pershutkina S.P., Makushin M.A., Fedorko V.N. Russkij yazy`k v geokul`turnom prostranstve Uzbekistana: faktory`, tendencii, territorial`ny`e i social`ny`e osobennosti razvitiya // Central`noaziatskij zhurnal geograficheskix issledovanij. 2022. № 1-2. P. 61-76.

P`yanov A.E. Status russkogo yazy`ka v stranax SNG // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. Vol. 3. № 47. P. 55-59.

Social`no-e`konomicheskaya situaciya v pervom polugodii 2019 goda i kratkosrochny`e perspektivy` // Evrazijskij Fond stabilizacii i razvitiya: [sajt]. URL: https://efsd.org/upload/iblock/52b/RT_makroobzor_2019kv2.pdf (data obrashheniya: 22.05.2023).

Sravnitel`naya ocenka urovnya bednosti v Uzbekistane. Statisticheskie danny`e // Internet-resurs: [sajt]. URL: <https://ifmr.uz/files/publications/ru/807554.pdf> (data obrashheniya: 22.04.2023).

Statisticheskie danny`e // Internet-resurs: [sajt]. URL: <https://wika.tutoronline.ru/geografiya/> (data obrashheniya: 22.04.2023).

Zhuravlev A.L., Tarabrina N.V. Psixologicheskaya bezopasnost`: na puti k kompleksny`m, mezhdisciplinarny`m issledovaniyam (vmesto predisloviya) // Problemy` psixologicheskoy bezopasnosti / Otv. red. A.L. Zhuravlev, N.V. Tarabrina. M.: Izd-vo «Institut psixologii RAN», 2012. P. 5–21.

Berry J.W. (Ed.) Mutual Intercultural Relations). Cambridge: Cambridge University Press. 2017, DOI: 10.1017/9781316875032.001.

Berry, J.W. Immigration, acculturation, and adaptation. Applied Psychology: An International Review, 1997. 46, P. 5–34.

Croucher S.M. Integrated threat theory and acceptance of immigrant assimilation: an analysis of Muslim immigration in Western Europe. Communication Monographs. 2013, Vol.80, P. 46-62.

Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации...
Galyapina V., Lepshokova Z., Molodikova I. Intercultural relations in Dagestan: the role of perceived security, intercultural contacts, and mutual acculturation. *Central Asia and the Caucasus*. 2021. Vol. 22. №1. DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.1.07>

Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T. Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2011. Vol. 37. № 9. P. 1423-1440.

Kruusvall J., Vetik R., Berry J.W. The strategies of inter-ethnic adaptation of Estonian Russians. *Studies of Transition States and Societies*, 2009. Vol.1, P. 3–24.

Kus-Harbord L., Ward C. Ethnic Russians in post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, well-being, and ethnic attitudes. *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*. 2015, Vol. 4. № 1. P. 66–81. DOI: 10.1037/ipp0000025

Lebedeva N., Ryabichenko T. Assimilation or integration: Similarities and differences between acculturation attitudes of migrants from Central Asia and Russians in Central Russia. *Psychology in Russia: State of the Art*. 2016. Vol. 9. №1. P. 98-111. DOI: 10.11621/pir.2016.0107

Lebedeva N., Galyapina V.N., Lepshokova Z., Ryabichenko T. Intercultural Relations in Russia. Mutual intercultural relations / Ed. by J. W. Berry. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. doi Ch. 2. P. 34-58. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316875032.002>

Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Immigration and intercultural interaction strategies in post-Soviet Russia. *Immigration: Policies, challenges and impact.*/ Ed. by E. Tartakovsky, New York: Nova Science, 2013. P. 179–194.

Lee E.S. A Theory of Migration. *Demography*. 1966.№3. P. 47–57.

Muldoon O.T., Schmid K. Perceived Threat, Social Identification, and Psychological Well-Being: The Effects of Political Conflict Exposure. *Political Psychology*. 2015. Vol. 29.

Nshom E., Croucher S.M. Threats and attitudes toward Russian-speaking immigrants: a comparative study between younger and older Finns Russian. *Journal of Communication*. 2014. Vol. 6. №3. P. 308-317.

Rohmann A., Piontkowski U., van Randenborgh A. When attitudes do not fit: discordance of acculturation attitudes as an antecedent of intergroup threat. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. Vol. 34. P. 337-352.

Schmitz P.G., Berry J.W. Structure of acculturation attitudes and their relationships with personality and psychological adaptation: A Study with immigrant and national samples in Germany / In F. Deutsch, M. Boehnke, U. Kühnen, & K. Boehnke (Eds.), *Crossing borders: Cross-cultural and cultural psychology as an interdisciplinary, multi-method endeavor*. Jacobs University Bremen. 2011.

Stephan W.G., Ybarra O., Morrison K.R. Intergroup threat theory / In T.D. Nelson (Ed.), *Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination* (P. 43-59). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 2009.

Stephan W.G., Stephan C.W. An integrated Threat Theory of Prejudice // *Reducing prejudice and discrimination* / Ed. by S. Oskamp: Lawrence Erlbaum associates, Mahwah, New Jersey, 2000 P. 23-44.

Verkuyten M. Self-esteem and multiculturalism: An examination among ethnic minority and majority groups in the Netherlands. *Journal of Research in Personality*. 2009, Vol. 43. P. 419-427.

Information about authors

Khojiev Javokhir Jalilovich. Post-graduate student, Graduate School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitckaya st., 101001 Moscow, Russia
E-mail: zhhozhiev@hse.ru

Galyapina Viktoriya Nikolaevna. Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor at the Department of Psychology, Chief Researcher of the Center for Sociocultural Research of the Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitckaya st., 101000 Moscow, Russia
E-mail: vgalyapina@hse.ru

Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации...

For citation: Khojiev J.J., Galyapina V.N. Perceived security, acculturation strategies and adaptation of labor migrants from Uzbekistan and Tajikistan in Russia *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2023, Vol. 16, No. 90, p. 4. <https://psystudy.ru>